

**РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕВРОСОЮЗ – КИТАЙ:
ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ,
РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ**© **ВАРТАЗАРОВА Л.С., КОБРИНСКАЯ И.Я. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2021**

Развитие взаимоотношений Евросоюз–Китай: экспертные оценки и прогнозы, риски и возможности для России / Л.С. Вартазарова, И.Я. Кобринская (составление). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 2, сс. 57-70. DOI: 10.20542/afj-2021-2-57-70

DOI: 10.20542/afj-2021-2-57-70

УДК: 339(4)+(510)

Обзор поступил в редакцию 09.04.2021.

Обзор принят редакцией 23.04.2021.

30 ноября 2020 г. в онлайн режиме состоялся ситуационный анализ, организованный Центром ситуационного анализа ИМЭМО РАН и посвященный комплексу проблем отношений Европейского союза и Китая по состоянию на конец 2020 г. Были определены и проанализированы главные факторы, влияющие на развитие этих отношений, включая позицию США, а также тенденции в мировой экономике и политике. Эксперты – участники ситанализа пришли к выводу о переходе отношений ЕС–КНР в фазу более жесткого прагматичного взаимодействия, ограниченного интересами сторон и взаимными настороженностью и недоверием. Ситуация усугубляется стратегическим курсом США на недопущение выхода КНР на лидерские позиции в регионе АТР и мире. В то же время стратегия ЕС в отношении Китая, скорее всего, будет носить компромиссный характер, учитывающий интересы стран-членов. Можно также ожидать расширения практики санкционного давления Евросоюза на КНР. Для России главной задачей будет соблюдение баланса в отношениях с Евросоюзом и набирающим силу партнерским Китаем. Экспертный анализ и выводы статьи представляют интерес и как база для верификации прогностических исследований. В ситуационном анализе приняли участие и представили свои тезисы, которые и легли в основание данной публикации эксперты Центра ситуационного анализа, Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Центра североамериканских исследований, Центра европейских исследований, Отдела европейских политических исследований, Центра проблем развития и модернизации и Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН: д.и.н., академик РАН В.Г. Барановский, к.э.н. О.В. Богаевская, д.э.н. Л.С. Вартазарова, к.полит.н. К.Р. Вода; К.А. Гемуева, к.полит.н. А.А. Давыдов, к.полит.н. И.В. Данилин, Е.А. Десятски, к.э.н. С.С. Дмитриев, к.полит.н. В.Ю. Журавлева, И.Э. Ибрагимов, к.и.н. Ю.Д. Квашнин; к.э.н. Э.В. Кириченко; к.полит.н. С.А. Кислицын; к.и.н. И.Я. Кобринская; д.и.н., профессор РАН А.В. Ломанов; к.э.н. С.А. Луконин; д.э.н., академик РАН В.В. Михеев; к.и.н. М.В. Садовникова; к.полит.н. Н.Ю. Сурков; к.полит.н. П.П. Тимофеев; к.полит.н. С.В. Уткин; д.э.н. А.Н. Федоровский, к.э.н. Б.Е. Фрумкин, д.э.н. Е.С. Хесин, к.э.н. В.Г. Швыдко. Обзор ситуационного анализа подготовлен д.э.н., главным научным сотрудником группы анализа текущих экономических проблем Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН Л.С. Вартазаровой (vs38@mail.ru, ORCID:0000-0001-7804-1169) и к.и.н., руководителем Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН И.Я. Кобринской (psifoundation@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-4419-0681).

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, США, конкуренция, соперничество, давление, противостояние, баланс сил, ситуационный анализ .

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР И МЕТОДЕ СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Предлагаемый вниманию читателей обзор подготовлен по материалам ситуационного анализа, организованного Центром ситуационного анализа ИМЭМО РАН 30 ноября 2020 г. в онлайн режиме, и представляет интерес как с точки зрения сущностного ответа, собственно, на поставленный вопрос, так и в плане методологии.

Об отношениях ЕС и КНР во второй половине 2010-х гг. было опубликовано немало исследований и в России, и за рубежом [1, 2, 3]. Особое внимание к теме в конце 2020 г. обусловлено произошедшими сдвигами, которые, по мнению экспертов, будут иметь важное значение на горизонте от четырех (2024 г.) до тридцати (2050 г.) лет [4, 5].

Использование методологии ситуационного анализа [6, 7, 8] позволило охватить и комплексно проанализировать максимальный спектр связанных с отношениями ЕС – КНР проблем – политических, экономических, в сфере безопасности. Примененный на ситанализе инструмент экспертного опроса выявил как расхождения во мнениях, так и консенсусные суждения, что позволяет оценить вероятность сценариев во взаимодействии Евросоюза и Китая, а также применительно ко всему связанному с этой темой международному контексту – как глобальному, так и региональному. И, прежде всего, в том, что касается позиционирования Российской Федерации.

В ситуационном анализе приняли участие и представили свои тезисы, которые и легли в основание данной публикации, эксперты ИМЭМО: д.и.н., академик РАН, руководитель научного направления **В.Г. Барановский**; к.э.н., старший научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований **О.В. Богаевская**; д.э.н., главный научный сотрудник группы анализа текущих экономических проблем Центра ситуационного анализа **Л.С. Вартазарова**; к. полит.н., старший научный сотрудник группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований **К.Р. Вода**; младший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований **К.А. Гемуева**; к.полит.н., научный сотрудник Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” **А.А. Давыдов**; к.полит.н., заведующий отделом науки и инноваций **И.В. Данилин**; младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований Центра североамериканских исследований **Е.А. Десятски**; к.э.н., ведущий научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований **С.С. Дмитриев**; к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований **В.Ю. Журавлева**; младший научный сотрудник группы изучения региональных отношений Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” **И.Э. Ибрагимов**; к.и.н., руководитель Центра европейских исследований **Ю.Д. Квашнин**; к.э.н., руководитель группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований **Э.В. Кириченко**; к.полит.н., старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований **С.А. Кислицын**; к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа **И.Я. Кобринская**; д.и.н., профессор РАН, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований **А.В. Ломанов**; к.э.н., заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований **С.А. Луконин**; д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований **В.В. Михеев**; к.и.н., научный сотрудник группы экономических проблем Центра проблем развития и модернизации **М.В. Садовникова**; к.полит.н., старший научный сотрудник группы изучения общих проблем региона Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” **Н.Ю. Сурков**; к.полит.н., заведующий сектором региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований **П.П. Тимофеев**; к.полит.н., руководитель группы стратегических оценок Центра ситуационного анализа **С.В. Уткин**; д.э.н., руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований **А.Н. Федоровский**; к.э.н., руководитель группы анализа текущих экономических проблем Центра ситуационного анализа **Б.Е. Фрумкин**; д.э.н., главный научный сотрудник Центра европейских исследований **Е.С. Хесин**; к.э.н., руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований **В.Г. Швыдко**.

В преддверии ситанализа приглашенным экспертам-европеистам – политологам и экономистам, не являющимся специалистами по Китаю, и экспертам-китаистам, не отслеживающим регулярно нюансы политики Евросоюза и динамики трансатлантических отношений, была предложена рамочная конструкция, устанавливающая причинно-следственные связи поставленных перед ними вопросов и их приоритетность.

Первое. Выбор времени обсуждения взаимоотношений ЕС и КНР обусловлен “прояснением” к декабрю 2020 г. ключевых факторов, которые будут определять динамику и характер отношений ЕС-Китай в среднесрочной перспективе. Пандемия COVID-19 ускорила многие идущие в мире процессы, выявила слабые места в национальных и региональных экономиках и в политике безопасности, невольно обнаружив, как часто случается в классических “пороговых ситуациях”, истинные намерения международных акторов. В этой связи на ситуационном анализе экспертам предложили оценить вероятность сценария, при котором в отношениях ЕС-Китай в постковидный период появится новое качество – жесткий прагматизм и не менее жесткая защита интересов. Борьба с последствиями самой пандемии составит существенную часть этих отношений.

Второе. Завершились выборы в США, и известный бэкграунд Дж. Байдена позволяет прогнозировать с достаточно высокой вероятностью позицию администрации США до 2025 г. по Китаю, а также, с возможными допущениями, связанными с Конгрессом, в отношении Европы (ЕС, НАТО). В интервью *Le Figaro* сразу после ноябрьских выборов 2020 г. в США Генри Киссинджер отмечал, что “сформировал свое политическое мышление в эпоху основания НАТО – в контексте всеобщего страха перед идеологическим противником. Нынешняя ситуация больше не может удовлетвориться такой позицией в то время, когда цели и задачи уже не обязательно ставятся на внешних границах Европы. Европа и Соединенные Штаты в обязательном порядке должны занять общую позицию по китайско-американским отношениям. Европа ничего не выиграет, заняв независимую политическую линию в вопросе мирового баланса с Китаем. В будущем Европа не заинтересована в том, чтобы становиться своего рода продолжением Евразии. Сохранение наших вековых общих ценностей отвечает интересам Европы и Америки”¹. В этой связи к обсуждению на ситанализе был предложен вопрос, насколько существенно фактор Китая будет обуславливать европейскую стратегию США, а позиция Вашингтона политику Европейского союза в отношении Китая.

Третье. В 2020 г. прошли два саммита ЕС–Китай на высшем уровне². В развитие принятых в 2019 г. “Стратегических перспектив развития отношений между ЕС и Китаем” Евросоюз к концу 2020 г. более четко определился в своей позиции по КНР. По определению Ж. Борреля, она стала более реалистичной и решительной: “Китай для Евросоюза – партнер, конкурент, оппонент”. Экспертов просили ответить на следующие вопросы: как будет меняться соотношение компонентов в этой триаде? Как будут решаться вопросы в инновационной и телекоммуникационной сферах? Что будет предпринимать ЕС в ужесточившейся конкуренции с Китаем в этих сферах? Насколько критична для ЕС поддержка США? Сможет ли ЕС, как предлагается, сократить производственные цепочки и перенести часть производств? Учитывая важность партнерства с КНР по вопросам климата, на какие уступки будет готов идти ЕС? Насколько в унисон звучат позиции Брюсселя и европейских грандов – Германии и Франции? Какова будет позиция Великобритании? Сможет ли и каким образом Брюссель обеспечить “блоковую дисциплину”, или национальные интересы отдельных стран-членов будут по-прежнему превалировать?

Четвертое. Пекин, как показали пленум Коммунистической партии Китая и идущая подготовка к съезду КПК, начал адаптироваться к новой менее дружественной

¹ Henry Kissinger: “J’apprécie Joe Biden en tant que personne”. *Le Figaro*, 12.11.2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/henry-kissinger-j-apprecie-joe-biden-en-tant-que-personne-20201112> (accessed 20.12.2020).

² Запланированный на осень 2020 г. А. Меркель саммит ЕС–Китай в Лейпциге, где должно было быть согласовано Всеобъемлющее соглашение об инвестициях между ЕС и Китаем, из-за пандемии не состоялся. Саммит прошел в онлайн режиме 30 декабря, и Соглашение было подписано, однако процедура его обсуждения и подписания странами-членами может занять до двух лет.

реальности. Как будут скорректированы ключевые внутренние и внешние стратегии Пекина, включая “Пояс и путь”? Сможет ли Китай доказать свое технологическое инновационное лидерство в таком мировом порядке? Насколько важную роль в этом будут играть региональные форматы – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)? Насколько может обостриться конкуренция Китая и ЕС в других регионах мира – в Африке, на Ближнем Востоке?

Пятое. Какой в этой меняющейся ситуации может быть стратегия России?

В соответствии с предложенной повесткой и поставленными вопросами была составлена и программа ситуационного анализа. Ее основными пунктами были: 1) сценарии конкуренции в инновационной и телекоммуникационной сферах: общемировые тенденции, ситуация в Европе, стратегия КНР; 2) политика администрации Дж. Байдена в отношении Европы (ЕС, НАТО) и Китая; 3) позиция Европы (ЕС) в отношении Китая: позиция Брюсселя, Берлина, Парижа, Великобритании, стран Южной Европы, стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ); 4) стратегия Китая в новой геополитической ситуации.

На основании обсуждения и экспертного опроса на ситуационном анализе были рассмотрены варианты стратегии России на современном этапе.

КОНКУРЕНЦИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРАХ

Проблемы в инновационно-технологической сфере между КНР и ЕС возникли намного раньше 2018 г., когда бывший президент США Д. Трамп начал свою так называемую технологическую войну с Китаем. Было все – от обвинений в краже технологий, нелегального копирования и реверсивной инженерии до глубокого партнерства, в частности, массовых закупок британских и французских электронных технологий, германских спутниковых систем (потому что Китай активно сотрудничает с ЕС в рамках программы “Галилео”) и целого ряда обратных поставок, поскольку сейчас, например, от 40 до 60% оборудования 4G в сфере телекоммуникационных систем в Германии произведено китайской компанией *Huawei*.

Отличие текущего момента – схождение на одном отрезке времени трех совершенно разных факторов:

1. Рост противоречий между США сработал как триггер перемен. Ужесточение ограничительных мер в США в мае 2020 г. породило опасения по поводу стабильности поставок оборудования *Huawei*, что сыграло не последнюю роль в постепенном отказе Франции и Великобритании и изменении позиций других стран. Хотя до последнего времени страны ЕС считали такие риски, как опасения в использовании Китаем национальных телекоммуникационных компаний для шпионажа, подозрение *Huawei* в тесных связях с властями Китая и наличие определенных уязвимостей в аппаратном и программном обеспечении, управляемыми и не ставили участие этой компании под вопрос.

2. Падение темпов роста экономики Китая привело к кратному сокращению потребности в европейских технологиях.

3. Активный поиск оптимального варианта политики Европейского союза в сфере технологического суверенитета, в частности цифрового.

Среди основных тенденций в телекоммуникационной сфере Евросоюза следует выделить две. Во-первых, это расширение полномочий властей ЕС в сфере регулирования процесса закупок телекоммуникационного оборудования и развития сетей с точки зрения оценки возможных угроз безопасности. Теперь при оценке надежности поставщика учитываются риски, в том числе связанные с нетехническими факторами, такими, как риск вмешательства со стороны третьих государств через цепочку поставок 5G. Сфера телекоммуникаций была выбрана в качестве поля битвы неслучайно: гипотетическая угроза общественной безопасности вызывает крайне острую реакцию всех слоев европейского общества. И в этих условиях применяемая США презумпция виновности в отношении *Huawei* работает очень эффективно.

Во-вторых, это политика расширения числа игроков в телекоммуникационной сфере, позволяющая отойти от сложившейся олигополии операторов сетей и поставщиков комплексных решений. Некоторые страны ЕС, включая Германию, предоставили возможность промышленным и коммерческим предприятиям развертывать локальные частные сети 5G, не прибегая к услугам мобильных операторов.

Немаловажную роль в характере сегодняшних взаимоотношений ЕС и Китая в технологической сфере играет проецирование на отдельные китайские компании растущего недовольства состоянием двусторонних отношений. Здесь – и неравный доступ сторон на рынки, и защита интеллектуальной собственности, и проблема соблюдения прав человека в Китае, и массовая скупка европейских активов в период после мирового финансового и европейского долгового кризисов, и агрессивная пропаганда Китаем своей позиции с использованием инструментов публичной дипломатии, и усиление влияния КНР в отдельных странах Южной, Центральной и Восточной Европы. К тому же и *Huawei* предпринимает решительные действия по защите своих интересов, включая создание положительного образа компании в СМИ, оперативное взаимодействие с органами власти, обжалование в суде решений отдельных стран (в частности, Швеции) по запрету ее участия в развитии сетей 5G, открытие центров кибербезопасности и готовность создать в странах ЕС производственные мощности, ориентированные непосредственно на европейский рынок.

У стран Запада в целом вызывает опасения переход Китая к более активной государственной политике с глобальными амбициями, нарастающее противостояние в экономической, технологической и геополитической сферах. Также после распространения коронавирусной инфекции более серьезное внимание придается учету рисков, связанных с зависимостью стран ЕС от внешних поставок.

Добавляют тревожности и неопределенности внутренние проблемы ЕС – конфликт интересов бизнеса и агентств национальной безопасности, поляризация мнений среди политических элит, различия в позициях стран, манипулирование ситуацией в интересах отдельных акторов. Все это затрудняет формулирование единой и независимой стратегии на уровне ЕС и приводит к принятию компромиссных решений. В связи с возникшей неопределенностью многие операторы и представители власти заняли выжидательную позицию. Однако промедление с развертыванием сетей 5G, а также дополнительная финансовая нагрузка на операторов по замене оборудования *Huawei*, могут обернуться ослаблением позиции ЕС как глобального игрока на рынке информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Европейский союз становится частью технологического противостояния Китая и Запада. Китайские эксперты постоянно напоминают, что ограничения доступа китайских высокотехнологичных товаров на Запад плохо соответствует нормам свободного рынка, следования которым Запад постоянно требует от Китая. ЕС готовит законодательные ограничения для китайского бизнеса (защита информационной безопасности, противодействие поглощению европейских компаний, недопущение проникновения китайского государственного капитала, оказывающего поддержку частным компаниям). Инструменты для проверки иностранных компаний в Европе будут направлены против китайского бизнеса. Поэтому договариваться о взаимной открытости рынков становится все труднее.

ПОЗИЦИЯ ЕС И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

Для Европейского союза Китай – очень важный торговый партнер. Он второй по товарообороту после США, первый по импорту в ЕС и третий по экспорту из ЕС. Сотрудничество ЕС и КНР охватывает следующие сферы:

- политико-стратегическая “корзина”: вопросы глобального управления, урегулирование международных кризисов (Мали, Ливан, ядерные программы Ирана и КНДР), климат, миграция и пр.;
- экономико-технологическая “корзина”;

- гуманитарная “корзина”: гуманитарные обмены, культура, права человека, правовое государство, гражданское общество.

За последние четыре-пять лет, не без влияния позиции администрации Трампа, достаточно четко обозначились значимые изменения в стратегии Европейского союза на китайском направлении. Если еще несколько лет назад значение Китая как всемирной фабрики воспринималось как совершенно естественное, то сегодня масштабы взаимозависимости торговли при растущих политических разногласиях начинают вызывать беспокойство. В 2016 г. в Глобальной стратегии ЕС акцент был сделан исключительно на взаимодействии и даже углублении торгово-инвестиционного партнерства с Китаем (с оговорками, что есть вопросы, которые необходимо задавать Китаю, в частности, по правам человека). В принятом в марте 2019 г. документе “Стратегические перспективы развития отношений между ЕС и Китаем” зафиксирована следующая формула: роль Китая различна в различных областях³. В ряде случаев (например, в вопросах климата) – он партнер или сторона переговоров, которые должны быть направлены на поиск баланса интересов, в экономике и технологиях он конкурент, а в предложении альтернативной модели управления он системный соперник.

В политической риторике в ЕС вину за “переоценку” взгляда на КНР возлагают на сам Китай, пеняют ему за все расхождения по поводу демократии, прав человека, роли государства в экономике, что как бы вынуждает реагировать ЕС и Запад в целом. При том что объективно эти изменения скорее следует связывать с растущим весом Китая в мировой экономике и политике.

Сформировалось довольно широкое антикитайское лобби, включающее представителей ведущих политических партий, мозговых центров, СМИ. Представители этого лобби убеждены в необходимости скорейшего ограничения китайского экономического и политического влияния. Не главным, но удобным аргументом для них стала так называемая волчья дипломатия Китая – использование нарочитой грубости в дипломатических демаршах.

Основное содержание претензий со стороны ЕС:

- дисбаланс в плане отсутствия свободного доступа и условий свободной конкуренции для европейского бизнеса на китайском рынке при том, что китайский бизнес активно работает на рынке ЕС;
- дисбаланс инвестиций Китая в ЕС и Евросоюза в Китай (чересчур активные инвестиции Китая в Европе);
- непрекращающийся поток контрафактных товаров, произведенных в КНР / Гонконге на основе европейских технологий, и угрозы шпионажа, исходящие от мобильной сети 5G китайских компаний (*Huawei* и др.);
- правозащитная тематика: принятие в КНР 30 июня 2020 г. закона о национальной безопасности в Гонконге, противоречивая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР);
- непрозрачная политика КНР в ходе пандемии *COVID-19*.

Безусловно, фактор Китая останется в политике Европейского союза надолго. Не только по геополитическим причинам, но и в связи с невозможностью быстрого решения задачи смены технологических платформ и изменения стоимостных цепочек. Как считают эксперты, противостояние Китаю в цифровой сфере для Европы не есть синоним “капитуляции” перед США, поскольку американских гигантов (*Amazon, Facebook, Google*) в Европе не любят ничуть не меньше, чем их китайских аналогов (в том числе из-за высокой вероятности соответствующих “закладок” в американском оборудовании).

Единства в политике ЕС по отношению к КНР пока что нет. Опрос, проведенный осенью 2020 г., показал, что если страны Северной и Западной Европы (Швеция, Германия,

³ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. *EU-China – A Strategic Outlook*. Strasbourg, 12.03.2019. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed 20.12.2020).

Франция) воспринимают КНР настороженно, то в Центральной Восточной Европе (ЦВЕ) (например, в Вишеградской четверке) гораздо спокойнее относятся к Пекину [9; 2].

Масштабы и значимость китайского присутствия в Южной Европе, по мнению экспертов, явно преувеличены. Нужно иметь в виду, что в значительной степени рост проникновения китайского капитала был спровоцирован сложным экономическим положением, в котором оказались эти страны в период долгового кризиса ЕС. Соответственно, для получения финансовой поддержки из Брюсселя эти страны (особенно малые) были вынуждены начать широкомасштабные программы приватизации госсектора. Поскольку компании из других стран ЕС не горели желанием покупать эти активы, их пришлось продавать Китаю. Например, Португалия продала очень крупные активы (25%) государственной компании *Energias de Portugal*. Но все же значительная часть капитала из Китая направляется не в стратегические сферы (инфраструктуру, электроэнергетику, телекоммуникации), а на приобретение жилой недвижимости в курортных местах в рамках “золотых виз” или, например, в текстильную промышленность. При этом правительства стран этого субрегиона нередко и достаточно успешно используют свое привилегированное партнерство с КНР в качестве рычага давления на других партнеров по ЕС для получения их поддержки.

Если единая стратегия ЕС в отношении Китая и будет сформирована, то она, скорее всего, будет носить компромиссный характер, учитывающий пожелания разных стран ЕС, и не факт, что франко-германский тандем, стремящийся гармонизировать свои позиции, сумеет убедить всех принять его более жесткий подход. В то же время можно ожидать расширения практики санкционного давления на КНР. Хотя ЕС, в отличие от США, не желает вступать в торговую войну с Китаем, чтобы не потерять экономически важного партнера.

Несмотря на похолодание отношений ЕС с США при Трампе, Брюссель, как и Париж, рассчитывают на поддержку США для общего противостояния экономической экспансии Китая. Во-первых, для ЕС первый рынок сбыта – именно США (21%), а не КНР (11%). Во-вторых, ЕС и США сохраняют общие ценностные подходы к ряду международных проблем и сообща критикуют КНР за контрафакт, пиратство, нерыночную экономику, закрытость рынка для западных компаний. Как отмечал Ж. Борель, абстрагироваться от двух конкурентов не означает для ЕС отойти от них на одинаковую дистанцию, поскольку по историческим и ценностным причинам ЕС ближе к США, а сотрудничество с США по НАТО остается ключевым фактором для европейской обороны. В-третьих, новая администрация США будет нацелена на восстановление трансатлантического единства и готовность усилить давление на КНР. И в этих условиях поддержка от США должна помочь Брюсселю консолидировать позиции 27 стран. Но в целом ЕС, скорее всего, будет смягчать давление США на Китай, выступая “хорошим полицейским”, если Вашингтон возьмет на себя роль “плохого полицейского”.

Нет пока достаточной определенности и в позиции Великобритании “по китайскому вопросу”. В минувшее пятилетие двусторонние британо-китайские отношения развивались весьма интенсивно. Регулярно проходили саммиты лидеров государств, диалоги в рамках совещаний министров иностранных дел и министров обороны, встречи на уровне экспертов. Существенно возрос взаимный товарооборот. Соединенное Королевство – четвертый крупнейший импортер китайских товаров, Китай – шестой экспортный рынок Британии. С другой стороны, возник целый ряд факторов, которые серьезно осложняют отношения между Британией и Китаем.

Политический истеблишмент Соединенного Королевства с настороженностью воспринимает “чрезмерную”, по его мнению, активность китайского капитала в Великобритании, рассматривая ее как инструмент геополитического и геоэкономического влияния Пекина. В июле 2020 г. британское правительство ввело запрет на использование оборудования *Huawei* при развертывании сети 5G. Более того, премьер-министр Б. Джонсон поручил разработать план под названием “Проект Защита” по снижению зависимости страны от китайского импорта в отношении стратегически важных товаров – в Великобританию из Китая поставляют более 70 категорий критически важных

товаров, в том числе медицинских (в частности, около 70% ингредиентов для лекарств, используемых в стране, производится в Китае). В этих условиях перспективы китайско-британского соглашения о свободной торговле кажутся довольно отдаленными. Согласно опросу *British Foreign Policy Group*, только 18% граждан этой страны доверяют Китаю, считая, что он способен “к ответственным действиям в мире”.

Главная дилемма состоит в том, как найти баланс между перспективным торгово-инвестиционным сотрудничеством с Китаем, которое в условиях Брекзита приобретает особое значение, и политическими амбициями противостоять усилению КНР.

Фактор Китая становится новой константой в отношениях ЕС–США. В Евросоюзе опасаются как американо-китайского противостояния, так и гегемонии G2. Наихудший исход для ЕС – остаться перед лицом двух полюсов, у каждого из которых будет своя инфраструктура, свои нормы и свои региональные и глобальные институты управления. Наиболее вероятно, считают эксперты, синхронизация политики США и их европейских партнеров в отношении Китая. При этом с Великобританией – наиболее “плотно”, в то время как ЕС будет стремиться сохранить достаточную степень автономии.

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ ЕС И КИТАЯ

В политическом истеблишменте и экспертном сообществе США есть однозначный консенсус, что Китай – это основной долгосрочный вызов. С другой стороны, сохраняющаяся экономическая взаимозависимость не позволяет США просто прекратить всякое взаимодействие и перейти в фазу открытого конфликта на всех уровнях. При этом опыт жесткого давления на Китай в переговорном процессе выявил пределы и возможности США: они мало что смогли сделать, чтобы значительно замедлить экономический рост Китая и его возрастающую роль в мировой экономике и тем более изменить китайскую внутреннюю политику.

Очевидно, что Соединенным Штатам нужно будет найти новые подходы для сдерживания противника. Фактически стратегическая задача США состоит в том, чтобы выработать новую модель отношений с Китаем. Сможет ли это сделать именно Байден – большой вопрос, но, несомненно, его президентство станет еще одним шагом в формировании такой модели. В ближайшем будущем будут активно выстраиваться две ее стороны: нюансированное давление на Китай и подключение к этому союзников и международных структур.

Нюансированное давление предполагает разграничение областей, в которых Китай выступает партнером, конкурентом или системным соперником. Основным направлением сохранения давления станет технологическая сфера. В руках у Байдена оказались серьезные рычаги влияния на Китай в виде тарифов и мер экспортного контроля, на что не осмелилась никакая демократическая администрация США. Трамп возродил еще одну сферу давления на Китай – идеологическую, которая будет подхвачена администрацией Байдена и станет активно реализовываться, прежде всего, в сфере прав человека.

США будут стремиться выстраивать международную коалицию, направленную на противостояние с Китаем с основным упором на ЕС. Есть большая вероятность, что по мере развития американо-китайской конфронтации, США все чаще будут рассматривать Европу именно в рамках этого противостояния, аналогично периоду холодной войны с СССР. При этом администрация Байдена будет стремиться вернуть свое лидерство в международных институтах и организациях, где большинство важных позиций начинает перехватывать Китай.

Вашингтон будет работать на то, чтобы подтвердить свои союзнические обязательства и создать и/или упрочить систему альянсов, формальных и неформальных, в первую очередь, с ближайшими партнерами и союзниками – ЕС, НАФТА / *USMCA*, Индией, Тайванем и др. Возможно возвращение к идеям торгово-инвестиционных партнерств

(некоей формы Транстихоокеанского партнерства), активизация ранее сложившихся объединений, таких как Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD). Так или иначе, демократы будут стремиться создать некую альтернативную структуру в АТР (с участием Индии) для учета позиции и интересов Запада и для снижения влияния китайских проектов в регионе (ВРЭП, "Пояс и путь").

Тем временем США сталкиваются с нежеланием ЕС идти на открытую конфронтацию с Пекином ввиду значительной зависимости от развития торговых и инвестиционных отношений и отсутствия военной угрозы. Определенный эффект американского давления на европейских союзников есть: в последние годы усилился контроль над китайскими инвестициями в регионе со стороны правительств государств-членов. Однако подобные меры рассматриваются Вашингтоном как крайне недостаточные.

В последние годы Китай все чаще фигурирует в рамках встреч представителей НАТО, что было нехарактерно для работы альянса в предыдущие годы. В этой же связи нельзя исключать попыток секьюритизации ряда проблем, в первую очередь, внедрения сетей 5G. Подобное развитие событий позволит США усилить свои рычаги влияния на союзников.

Вместе с тем Соединенные Штаты не имеют возможности требовать от ЕС однозначного отказа от сотрудничества с КНР по ряду вопросов – это может спровоцировать раскол в трансатлантических отношениях. Поэтому параллельно США будут стремиться разрешить часть накопившихся расхождений с ЕС по ряду вопросов. В частности, это может коснуться существующих торговых тарифов на сталь и алюминий, попыток разрешения противоречий между *Airbus* и *Boeing*, а также определения размеров взаимных субсидий в авиастроении. Не исключено что стороны могут вернуться к обсуждению проблем реформы корпоративного налогообложения в рамках Организации экономического сотрудничества и развития и вопроса участия в нем американских фирм.

Существует также вероятность координации инвестиционной политики стран Запада в отношении китайских компаний. В первую очередь, это должно затронуть именно высокотехнологичные отрасли и проекты.

Наконец, США будут активно создавать общую с ЕС повестку противостояния Китаю. С этой целью в первую очередь прежде всего будет использоваться тематика прав человека и сохранения либеральной демократии, а также тематика климатических изменений, в которую хорошо встраивается тема блокового противостояния Китаю. Демократическая администрация с большей вероятностью будет активна в экологической риторике. Байден заявляет, что экология, Парижское соглашение – во главе угла его экономической политики. Это прекрасное прикрытие. Трамп боролся с Китаем жесткими методами, что вызывало негативную реакцию в других странах. А вот под предлогом заботы о климате можно делать все, что угодно, и всем это понравится. Китай – "грязная" страна, он загрязняет атмосферу больше, чем другие страны. Значит, против него можно применять любые методы, чтобы улучшить экологию в мире. Под этим предлогом торговая политика может оставаться не менее жесткой по сути, чем при Трампе, но более "интеллигентной" по форме.

Большой вопрос, насколько демократы в предстоящие четыре года смогут показать обществу, что им можно доверять и что их можно переизбрать. Прошедшие выборы продемонстрировали, что разница в голосах избирателей, полученных обоими кандидатами, очень мала, а разница в настроениях общества значительна. И у республиканцев есть большие возможности отвоевать потерянные позиции, начиная с того, что через два года они вполне могут вернуть себе Конгресс. А далее политический реванш упирается только в одно – кто сможет представлять Республиканскую партию и каким образом партии взаимодействовать с этим трамповским электоратом, который проснулся и засыпать вновь пока не собирается.

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В 2020 г. произошло изменение в концепции стратегии развития Китая [2; 10; 11] и теперь в числе ее важнейших положений на ближайшую пятилетку (2021–2025 гг.) и на период до 2035 года:

- приоритет внутреннего производства и потребления,
- курс на сокращение зависимости от внешних рынков,
- импортозамещение по важнейшим технологическим компонентам.

В КНР принятые решения называют политикой “двойной циркуляции” – по внутреннему (внутренний рынок) и внешнему (импорт / экспорт) контурам. Приход к власти или уход конкретного западного политика (Трамп, Байден, Меркель) не способны повлиять на приоритетность этого курса для развития страны.

Важнейшие ориентиры общей стратегии Китая в технологической сфере – к 2025 г. покрывать до 70% потребности страны в высокотехнологичных компонентах, к 2030 г. стать одним из инновационных лидеров, а к 2050 г. – инновационным лидером. Самодостаточность в производстве чипов выдвигается как одна из основных задач. Всего в течение следующего пятилетнего плана социально-экономического развития КНР планируется вложить в эту отрасль 1.5 трлн долл. США и обеспечить дополнительное стимулирование производителей в виде налоговых послаблений. Так, например, компании, которые существуют на рынке более 15 лет и смогут производить чипы на основе 28-нанометровой технологии, будут освобождены от налога на прибыль в течение последующих десяти лет после начала массового производства таких чипов. Компаниям, которые смогут массово производить чипы по технологиям от 28 до 65 нм, предоставят 50% вычет в течение пяти лет при уплате налога на прибыль.

Сейчас расходы Китая на НИОКР составляют примерно 2.2% ВВП страны и около 20% от общемировых. Впереди только США. Но в китайской инновационной политике сохраняются такие “болевы точки”, как:

- недостаточный темп роста производства высокотехнологичных компонентов,
- неэффективность инвестиций,
- выпадение из графика строительства заводов.

В то же время эксперты подчеркивают, что сегодня проблема скорее даже не в том, смогут ли в Китае печатать в требуемых объемах новые чипы соответствующих параметров. Важно другое:

- сможет ли Китай параллельно выстраивать стоимостные цепочки глобальной инновационной и технологической архитектуры,
- удастся ли Пекину создать эффективную систему, переходящую от импортозамещения к интенсивному инновационному развитию.

Так что, несмотря на впечатляющие вложения в инновационную сферу, в краткосрочной и среднесрочной перспективе Китай сохранит отставание от ведущих стран, но в долгосрочной перспективе станет, конечно, не единственным инновационным лидером в мире, но добьется лидирующих позиций по отдельным направлениям.

Совершенно новый горизонт, который Китай все больше и больше будет осваивать, – качество жизни, что отвечает запросам большинства населения. Отсюда растущий интерес ко всей совокупности проблем в области экологии, “зеленой энергетики” (включая водородную), тонких химических технологий, так называемой малотоннажной химии.

Подходы Китая к международному сотрудничеству все больше основываются на объективном понимании своих экономических интересов. После пандемии Китай – это единственная крупная экономика с позитивным ростом в 2020 г. (примерно 2%). Поэтому заинтересованность западных производителей в выходе на китайский рынок будет возрастать. Это важный фактор в процессе политического торга с США и ЕС.

Китайские эксперты и СМИ не выражают излишнего скепсиса и пессимизма по поводу будущего отношений Китая и Евросоюза и обычно подчеркивают взаимное дополнение экономик и выгоду сотрудничества. Одновременно в китайской экспертной среде присутствует понимание того, что отношения со странами Европы могут ухудшиться. Ослабленные пандемией экономики ЕС и Великобритании стремятся к сближению с США, и при администрации Байдена будет восстанавливаться идеологическая и ценностная общность Запада, “трансатлантический альянс демократий”. Если его будут использовать как инструмент коллективного давления на Китай, это неизбежно приведет к ухудшению связей и росту противоречий в китайско-европейских отношениях.

Китай обещает внешнему миру дальнейшее открытие внутренних рынков финансовых услуг, высокотехнологичных секторов. Это привлекательная возможность для иностранных инвесторов, в том числе из ЕС. Однако эта перспектива интересна лишь квалифицированным партнерам с сильными экономиками и мощной промышленной базой. В ближайшее десятилетие все более заметным станет следующий парадокс: китайские рынки будут открываться все шире, однако войти на них будет все труднее из-за возрастающих сложностей с предложением на внутреннем китайском рынке конкурентоспособного продукта. Китайские производители получили хорошие стартовые условия и в будущем способны защитить себя без откровенного государственного протекционизма.

В целом ЕС остается одним из важнейших торговых партнеров Китая. Пекин демонстрирует готовность обсуждать с Евросоюзом соглашение о создании зоны свободной торговли и углублять сотрудничество по вопросам, которые представляют интерес для европейцев, – климатические изменения, защита окружающей среды, совместные подходы в цифровой экономике. Происходит постепенная переориентация Китая на Германию как на центральное звено в партнерстве с ЕС (торговля между ними составляет около 30% взаимной торговли КНР и ЕС). Центральная и Восточная Европа относительно теряет свое значение для Китая. Прежняя китайская стратегия сближения со странами этого субрегиона, заинтересованными в иностранных инвестициях, была нацелена не столько на “раскол” ЕС, сколько на создание благоприятной среды для “Пояса и пути”, на закрепление “точки входа” сухопутного и отчасти морского путей из Китая в Европу. Однако в политическом плане страны ЦВЕ больше ориентированы на США, поэтому при Трампе на фоне обострения противостояния Вашингтона и Пекина связи ЦВЕ и Китая стали слабеть и распадаться. И сегодня КНР будет пытаться реанимировать общение с ЦВЕ лишь по мере надобности для продвижения проектов “Пояса и пути”. Причем на официальном уровне Китай подчеркивает, что эта инициатива будет становиться для него все более важной и приоритетной, но это будет уже не путь в Европу, а путь в Южную и Юго-Восточную Азию.

Все более значимым для взаимоотношений в треугольнике США–Китай–Евросоюз становится такой эмоционально-психологический фактор как общественные страхи. При этом не только Запад “боится” Китая, но и Китай теперь “боится” Запада.

Четыре года трамповской политики сдерживания сделали Китай очень напряженным, злым, “волкодипломатическим”, настроенным на то, чтобы подготовиться к полной самоизоляции от внешнего мира, если это вдруг потребует, сделать себя полностью неуязвимым. Повернуть все это вспять невозможно – Китай просто не поверит.

При этом в силу различий азиатского и европейского менталитета, азиатские страны в значительно меньшей мере “боятся” Китая и считают, что они смогут вписаться в новые правила игры, защитить свои интересы и получить выгоды от сотрудничества с Пекином. Отсюда – успешное подписание в ноябре 2020 г. 15 странами инициированного Китаем соглашения о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

После подписания ВРЭП председатель КНР Си Цзиньпин публично заявил, что готов рассматривать присоединение к *Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership* (наследнику Транстихоокеанского партнерства, из которого вышел Трамп). Это можно воспринимать как сигнал, что, по мере накопления национальной мощи, строгие стандарты этого соглашения уже не будут препятствием для развития китайской

экономики. Китай воспринимает подписание ВРЭП как свой козырь, который позволяет более уверенно разговаривать с ЕС. В Пекине надеются, что после ВРЭП у европейцев появится осознание опасности остаться вне многообещающего азиатского рынка, и это стимулирует их пойти на уступки.

С победой Дж. Байдена возникла гипотетическая перспектива объединения усилий ЕС, США и Китая по климату и здравоохранению. Реакция Китая на возможность участия в таком сотрудничестве, скорее всего, будет позитивной. Однако создание антикитайского “альянса демократий” для Пекина неприемлемо.

Эксперты полагают, что если в ближайшие годы Западом не будут предприняты какие-то экстраординарные меры, то Китай за предстоящее десятилетие станет неуязвимым для любых торговых санкций.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ

С геоэкономической точки зрения превращение Китая в глобальный инновационный центр, по мнению экспертов, соответствует интересам России. Это покончит с западной монополией в сфере высоких технологий, нивелирует опасность санкций, так как появится конкурентный международный рынок разных производителей, где условия диктует покупатель, а не продавец.

США, отмечают как российские, так и западные аналитики, могут совершить еще одну стратегическую ошибку, решив использовать общую ценностную повестку с ЕС как инструмент для одновременного сдерживания и Китая, и России, что будет подталкивать Москву и Пекин к большему взаимодействию.

В то же время в стратегическом плане национальным интересам России не отвечает блоковое противостояние с западным миром. Китай останется основным соперником, конкурентом и угрозой для США на десятилетия. России же в этих условиях может быть уготовано место более слабого соперника, на котором США будут отыгрываться из-за своих ошибок и провалов на китайском направлении. Противопоставить такой крайне невыгодной схеме можно только собственное экономическое и технологическое развитие, которое будет способствовать выходу России на новый уровень глобального влияния.

На сегодняшний день Россию устраивает сложившаяся ситуация, то есть ограниченное и достаточно контролируемое развитие научно-технологического партнерства с Китаем. В то же время вызывает беспокойство отсутствие систематического характера в научно-технологическом партнерстве с КНР. Но главное то, что двустороннее научно-техническое сотрудничество с Китаем не опирается на комплексную стратегию отношений с КНР и стратегию развития самого российского научно-технологического сектора. Серьезного осмысления в свете эвентуальных сдвигов в векторе развития проекта “Пояс и путь” на Южную и Юго-Восточную Азию требует и стратегия России в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Высказанные экспертами ИМЭМО РАН на ситуационном анализе оценки состояния отношений Евросоюза и Китая в широком международном экономическом и политическом контексте помимо самостоятельного значения могут служить полезной верификационной базой для ведущейся институтом прогностической работы.

Таблица. Мнение экспертов-участников ситуационного анализа

№№ п/п	Содержание вопроса	Позиция экспертов	
		превалирующее мнение	доля его поддержавших, %
1.	Экономическое значение Китая для ЕС в целом через 10-15 лет	останется на прежнем уровне	84.2
2.	Экономическое значение ЕС для Китая через 10-15 лет	останется прежним / увеличится	по 42.1
3.	Конкуренция западной и китайской технологических платформ	обострится	79,0
4.	Заключение в течение 10-15 лет ЕС и Китаем Соглашения о свободной торговле	вероятно	58.0
5.	Принятие в ближайшие годы общей для ЕС стратегии в отношении Китая	вероятно	73.7
6.	Синхронизация в ближайшие годы политики ЕС и США в отношении Китая	вероятно	73.7
7.	Расширение в ближайшие годы практики санкционного давления на Китай	вероятно	68.4
8.	Для России формирование ЕС действенной политики по экономическому обособлению от Китая	малозначимо (выгодно / невыгодно)	42.1 (31,6 / 26,3)
9.	Поддержка Россией Китая в конкуренции с Западом	нежелательна	58.0
10.	Формирование Россией и Китаем единой технологической платформы, отличной от западной	нежелательно (невозможно)	52.6 (36.8)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барановский В.Г., Кобринская И.Я., ред. *Реструктуризация политического ландшафта европейских государств*. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 69 с. [Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Ya., eds. *Restructuring of the Political Landscape of European States*. Moscow, IMEMO RAN, 2017. 69 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0523-9
- Михеев В.В., Швыдко В.Г., отв. ред. *Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 70 с. [Mikheev V.V., Shvydko V.G., eds. *China and Eastern Europe as Parts of the New Silk Road*. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 70 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0
- Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я., ред. *США-Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. [Vartazarova L.S., Kobrinskaya I.Ya., eds. *USA-China: the Struggle of Two Strategies and Practices of World Leadership*. Moscow, IMEMO RAN, 2018. 65 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0537-6
- Мачавариани Г.И., Кобринская И.Я., отв. ред. *Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. 172 с. [Machavariani G.I., Kobrinskaya I.Ya., eds. *Russia and the World: 2020. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Moscow, IMEMO RAN, 2019. 172 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0566-6
- Мачавариани Г.И., Кобринская И.Я., отв. ред. *Россия и мир: 2021. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Москва, ИМЭМО РАН, 2020. 154 с. [Machavariani G.I., Kobrinskaya I.Ya., eds. *Russia and the World: 2021. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Moscow, IMEMO RAN, 2020. 154 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0585-7
- Метод ситуационного анализа*. Москва, ИМЭМО РАН, 1985. 13 с. [Situation Analysis Method. Moscow, IMEMO RAN, 1985. 13 p. (In Russ.)]
- Примаков Е.М., Хрусталева М.А. *Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики*. Выпуск 1. Москва, Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России, 2006. 28 с. [Primakov E.M., Khrustaleva M.A. *Methodology of Situation Analyses. Essays on Current Politics*. Issue 1. Moscow, Academic Educational Forum on International Relations. Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 2006. 28 p. (In Russ.)]
- Барановский В.Г., Кобринская И.Я., Уткин С. В., Фрумкин Б.Е. Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования в условиях трансформации миропорядка. *Вестник МГИМО-Университета*, 2019, №12 (4), сс. 7-23. [Baranovskii V.G., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V., Frumkin B.E. The Method of Situation Analysis of International Relations as A Forecasting Tool Under Conditions of Transforming World Order. *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 12 (4), pp. 7-23. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-7-23
- Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Центрально-Восточная Европа в международных процессах "пост-COVID-19". *Международные процессы*, 2020, № 2, сс. 71-91. [Kobrinskaya I.Ya., Frumkin B.E. Central-Eastern Europe in Post-Covid-19 International Politics. *International Trends*, 2020, no. 2, сс.71-91. (In Russ.)] DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.1

10. Ломанов А.В. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований. *Вестник Российской академии наук*, 2020, т. 90, № 2, сс. 103-112. [Lomanov A.V. Modern China: Internal and External Challenges at a New Stage of Reforms. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 2, pp. 103-112. (In. Russ.)]
11. Гамза Л., Заклязьминская Е. Пандемия COVID-19 как фактор внутренней и внешней политики Китая. *Пути к миру и безопасности*, 2020, № 2 (59), сс. 63-80. [Gamza L., Zaklyazminskaya E. The COVID-19 Pandemic as a Factor of China's Foreign and Domestic Policies. *Pathways to Peace and Security*, 2020, no. 2 (59), pp. 63-80. (In. Russ.)]

**DEVELOPMENT OF EU-CHINA RELATIONS:
EXPERT OPINIONS AND FORECASTS,
RISKS AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA**

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2021, no. 2, pp. 57-70)

**Received 09.04.2021.
Accepted 23.04.2021.**

On November 30, 2021 the online Situation Analysis organized by the Center of Situation Analysis of the IMEMO RAS and devoted to the range of problems of the European Union and China relations to date took place. The major factors affecting the development of these relations were identified and analyzed, including the position of the US and the global economic and political trends. The experts participating in the Situation Analysis came to a conclusion that there is a transition of the EU-China relations into the phase of a more rigid and pragmatic interaction, limited by the parties' interests and by mutual wariness and lack of trust. The situation is further aggravated by the US strategic orientation towards preventing China from taking leadership in the Asia-Pacific region and the world. At the same time, the EU strategy towards China will likely be a compromise, taking into account the interests of the Member States. Expansion of the EU practice of sanctions pressure on China can also be expected. For Russia, the main challenge would be to keep a balance in its relations with the EU and the rising partner China. The expert analysis and the publication's conclusions can be also useful as a basis for the verification of forecasting studies. The experts of the Center of Situation Analysis, Center of Asia Pacific Studies, Center of North American Studies, Center of European Studies, Department of European Political Studies, Center of Development and Modernization Studies and the Laboratory "Center of the Middle East Studies" of the IMEMO took part in the discussion and presented their notes that formed the basis of this publication: V.G. Baranovsky, O.V. Bogaevskaya, L.S. Vartazarova, K.R. Voda, K.A. Gemueva, A.A. Davydov, I.V. Danilin, E.A. Desiatsky, S.S. Dmitriev, V.Yu. Zhuravleva, I.E. Ibragimov, Yu.D. Kvashnin, E.V. Kirichenko, S.A. Kislitsyn, I. Ja. Kobrinskaya, A.V. Lomanov, S.A. Lukonin, V.V. Mikheev, M.V. Sadovnikova, N.Yu. Surkov, P.P. Timofeev, S.V. Utkin, A.N. Fedorovskiy, B.E. Frumkin, E.S.Khesin, V.G. Shvydko. The review of the Situation Analysis was prepared by Ludmila S. Vartazarova, Doct. Sci. (Econ.), Chief Researcher of the Group of Analysis of the Current Economic Problems of the IMEMO RAS (vls38@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7804-1169) and Irina Ya. Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO RAS. (psifoundation@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-4419-0681).

Keywords: European Union, China, USA, competition, rivalry, pressure, confrontation, balance of power, situation analysis.

DOI: 10.20542/afj-2021-2-57-70